



**И**ВЫМ поверка, павшим слава! Трижды слава поколению года рождения 1922, 1921, 1920... Сколько посланцев его сгорело в огне сражений Великой Отечественной войны!

Григору Акопяну было бы сейчас пятьдесят три. С портрета тридцатилетней давности он смотрит совсем еще мальчиком: задумчивый, чуть грустный взгляд, открытое, красивое лицо. Каким прекрасным казался Григору мир, который он познавал, любил и воспевал со свойственной юности пылкостью. А сколько светлых стремлений будила жизнь в этом одаренном юноше!

Он был мечтателем, поэтом. Писать начал рано, еще в школе. Стихи посвящал Егварду — селу, в котором родился и вырос, школьным товарищам, друзьям. Позднее, поступив на факультет немецкого языка Ереванского педагогического института, Григор Акопян часто писал домой и в каждый конверт вкладывал свои новые стихотворения. Но то было мирное время, счастливое время, и не хранились, как дорогие реликвии, письма.

**В**ОКТАБРЕ сорокового Григора призвали в армию. Он служил во Львове, в танковом подразделении. Мир уже сотрясали взрывы. Тень от фашистской свастики легла на Западную Европу.

В мае 1941 года, за месяц до начала Великой Отечественной, Григор пишет домой: «В воздухе все явственнее чувствуется запах пороха. Наверно, скоро война». Этим предчувствием решающей схватки и продиктовано его пламенное стихотворение «Клятва Родине».

Если паду я в бою, и слава найдет меня, — я не уйду из жизни, пока стоит горда и величава, моя непобедимая Отчизна.

Вера в мощь и непобедимость родной страны, сыновья преданность Родине пронизывает и эти строки, написанные в первые дни войны:

Спуститесь с гор, высоких гор — идет нашей пули враг, тоб обреченный на позор, и обратился в прах.

После первых неравных и кровопролитных боев танкового подразделения, в кото-

ром служил Акопян, вынуждено было отступить. От подразделения осталась лишь горстка людей. Рядом погибали друзья, товарищи. Пылали сожженные деревни, города. Но не гасла вера в победу:

Я видел смерть, и стоны слышал,  
в руинах мерз, учился ждать...  
В огне, в сырых окопах выжил —  
чтоб снова жить и побеждать.



**М**ЕДЛЕННО листаю пожелтевшие от времени фронтовые письма, стихи. В них — вся жизнь юноши, его стремления, мечты. «Тянутся долгие часы, — пишет он брату, — тяжелые, страшные месяцы нашей жизни проходят в лесах и болотах, под дождем и пулями. Что ж, нам выпала на долю такая судьба, да и не только нам, но и миллионам юношей. Будем же до конца верны званию советского солдата!».

Все дальше в глубь страны, ведя тяжелые, кровопролитные бои, отступала наша армия. Остались позади Винница, Житомир, Киев, Черкассы, Полтава... Впереди был Харьков. В августе сорок первого Григор Акопян вместе с оставшимися в живых товарищами прибыл в распоряжение военного коменданта города. И здесь передышка была недолгой, Харьков пришлось сдать. Но Григор и семеро его сослуживцев по Львову не отступили вместе с нашими войсками, а остались в городе для выполнения специального задания командования — их группе было приказано взорвать немецкий штаб. Неделью вместе с городскими подпольщиками готовились танкисты к этой операции и, успешно завершив ее, той же ночью вышли к лесу, к парти-

занам. Немцы, взбешенные дерзкой операцией, не давали партизанам покоя. Днем карательные отряды эсесовцев рыскали по лесу, прочесывая каждый метр. Ночью начинались воздушные налеты. Танкисты решили выбраться к нашим войскам, занявшим позицию на берегу Северского Донца.

**В**ОЙНА рождает не только героев. В людях слабых, трусливых она порождает низменные инстинкты.

## НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО „...И ЕСЛИ Я ПАДУ ЗА ЖИЗНЬ ТВОЮ И СЧАСТЬЕ“

Той теплой августовской ночью Григору и его товарищам пришлось выдержать большое нравственное испытание.

...Восемь человек в лесу. Восемь человек, окруженных с четырех сторон неприятелем. Малейшая неосторожность может стоить жизни всем восьмерым. Один из них не выдержал, струсил: в плен! Сорвавшись с места, он вдруг побежал, истощно вопя, размахивая белым платком. Минуту немцы молчали. А потом началось! В небе повисли ракеты, стало светло, как днем. Застрекотал пулемет. Отчаянно отстреливаясь, танкисты ушли в глубь леса. На рассвете лишь четверо вышли на берег Донца...

Григор переживал это событие тяжело. Он хорошо знал парня, трусость которого привела к предательству. Росли в соседних селах, вме-

сте начали службу, вместе принимали присягу.

Боль, гнев, презрение — все это вылилось в строки:

Врага я не боюсь,  
смешны мне зимний холод  
и зной, и лютый голод —  
я с ними насмерть бьюсь.

Отчизны не предаю.  
Отцовской верен чести,  
я Родине — и сердце,  
и жизнь свою отдам.

**В**ЕРА в правое дело народа давала силы, вела вперед. Эта вера помогала прорываться сквозь кольцо окружения, бороться за Сталинград, освобождать Кавказ, Крым. Этой верой были продиктованы слова в письме к брату: «Горы здесь высоки и неприступны. По узким горным дорогам танки продвигаются с трудом. Оружие и провиант получаем с воздуха. Но, несмотря на тяжелые условия, не падаем духом, выполняем боевые задания, гоним проклятого врага с родной земли...»

Как хочется порой увидеть родное село, маму, всех вас, мои дорогие...»

Сейчас в Егварде розы расцвели,  
полны колосья спелым ожиданьем.  
Земля умылась солнечным сияньем,  
и жаворонок зазвенел вдали.

А мама хлеб печет, кладет в тондыр...  
корову доит, штопает одежды...

Моя тоска взлетает вверх,  
как дым,  
стораает в небе искрами надежды.

Зимой сорок четвертого особый танковый полк, в котором служил Григор, вел наступательные бои на территории Украины. Снова Харьков, Черкассы, Винница, Запорожье...

Те же города, районы, села... Знакомая и неизменно изменившаяся за годы оккупации земля Украины...

Этой многострадальной земле он посвящает свое стихотворение «Украине».

Я вижу сел твоих разграбленные станы,  
и пепелища выжженных домов.

Как глубоки твои искровленные раны...  
Но наша ненависть сильнее врагов!

Мы над тобой зажжем зарю освобожденья,

земля Шевченко, ты ведешь нас в бой.  
Ты для живых солдат — и мать, и утешенье,  
для мертвых — сон бессмертный и покой.  
Я, сын армянских гор, тебе всем сердцем предаю,  
ведет меня Тигран, мой меч горит.

Мы в схватке боевых твоих разбили беды:  
гляди, как жалкий враг с полей бежит.  
Ударов наших мощь войну лишила власти  
История прославит эти дни.  
И если я паду за жизнь твою и счастье  
как мать, мою могилу сохрани

**В**ХМУРОЕ февральское утро особый танковый полк под командованием полковника Писарева занял подступы к небольшому украинскому городку Шпол, где противник сосредоточил большие силы.

Атака началась рано утром. Пять танков, прорвав шпильный артиллерийский огонь, заняли железнодорожную станцию. Первая часть операции была выполнена успешно. Но неожиданно немцы открыли огонь из противотанковых орудий.

Григор увидел, как справа загорелась головная машина. Потом еще одна, слева. Потом наступила тьма...

Морозным днем пятого февраля Григора Акопяна и его боевых друзей — Костю Лосева, Сашу Лескова, Ваню Осипова, Алешу Веригина, Васю Тимошенко, Нину Курякову однополчане опустили в братскую могилу, поклялись отомстить за погибших друзей.

**Б**ОИ за Сталинград, Москву, Кавказ, Крым, Кубань, Запорожье, Полтаву, Харьков, Львов, Черкассы и последний в жизни Григора бой — за Шпол. Двенадцать орденов и медалей — свидетельство мужества и отваги молодого бойца.

Если паду я в бою, и слава найдет меня, — я не уйду из жизни, пока стоит горда и величава моя непобедимая Отчизна.

Да, пророческими оказались твои стихи, Григор. Ты жив, ты с нами. Шумят ветвями деревья, посаженные когда-то тобой в родном саду. Живы твои пламенные стихи, полные беззаветной любви к Родине. Жив ты для пионеров родного Егварда и для украинских школьников города Шпола, которые назвали твоим именем свою дружину. Именем Григора Акопяна названа и улица в Шполе. В дни народных праздников к могиле танкистов приходят комсомольцы, пионеры. Приходят отдать салют героям.

В. НАЗАРЯН.

Стихи в переводе  
Н. КРЕМНЕВОЙ.